

63
11

МУРЗИЛКА

№ 2

ФЕВРАЛЬ
1947

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

В героическом 1917 году

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Двуглавый орёл с хищно растопыренными когтями был знаком царской власти. Смотрите, с какой яростью восставшие питерские рабочие и работницы срывают ненавистные царские гербы!

Это было в феврале 1917 года — 30 лет назад. Забастовали рабочие самого большого в Петрограде, Путиловского завода. К ним присоединились рабочие других заводов и фабрик. 23 февраля (по новому календарю это было 8 марта) по призыву партии большевиков рабочие и работницы вышли на улицы Петрограда на борьбу

бу против голода, несправедливой войны и царской власти. По всей России поднялось красное знамя революции.

А ещё через несколько дней солдаты Павловского, Волынского и других полков перешли на сторону народа и открыли огонь по жандармам и полицейским.

Царская власть в России была свергнута. Но оставались ещё у власти капиталисты и помещики. Большевики звали трудящихся на борьбу за настоящую свободу. И только великий Октябрь дал великую победу нашему народу.

Всесоюзная
Библиотека
имени
В. И. Ленина
n-48-53

ОЛЬГА ВЫСОТСКАЯ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО и
А. КОКОРИНА

ДЕВЯТОЕ ФЕВРАЛЯ

Возле школы снег расчищен,
Широко открыта дверь.
Нашу школу каждый ищет:
Агитпункт она теперь.

И в Москве, и в Ереване,
И на Волхове-реке,
И на Тихом океане,
И в узбекском кишлаке,

И в глуши тайги дремучей,
Где пролёт олений след, —
Депутатов самых лучших
Всюду выберут в Совет.

Самых честных, самых стойких.
Из людей родной земли,
Чтоб к победам в годы стройки
Наш народ они вели.

Словно в праздник новогодний,
Платье лучшее надень:
Все на выборах сегодня —
Вот какой сегодня день!

Папа, мама и сестра
Выбирать пошли с утра.
Выбирать и я пойду
В пятьдесят шестом году!

ЛЕВ КАССИЛЬ

Рис. В. БИБИКОВА

Бьют склянки... Час похода! Пора сниматься с якорей. Гремят цепи. И дым повалил из труб, и флаги взлетели на мачты. Уходят в море корабли. Прощай, берег! Ревут протяжно гудки. И чайки кричат: «Не скучай! Не скучай!..»

В поход, в далёкий поход, друзья! В дальнейшее плаванье! Все по местам. Мы — в море!

1. НА ФЛАГ — СМІРНО!

Далеко от своих берегов плывёт в море наш военный корабль. Давно уже не видели моряки родной земли. Вода кругом. Если где и завидится земля, то не наша, чужая. А до своего берега плыть ещё много дней.

Каждое утро на корабле раздаётся команда:

— На флаг — смирно!

И все моряки поворачиваются лицом к высокой мачте.

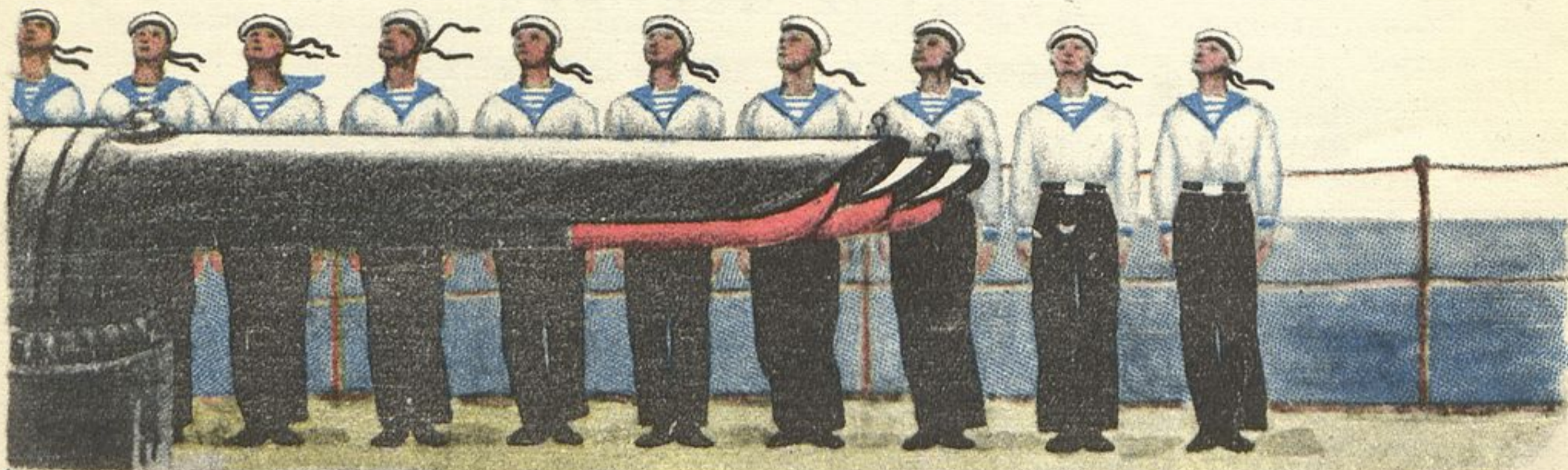
Смирно стоят моряки. Тихо на корабле. Только волны плещут.

— Флаг поднять! — командует сверху офицер.

Взлетел на мачте флаг и сразу распустился весь на ветру — серебристо-белый, с синей полосой внизу, а над ней — серп, молот и красная звезда. Военно-морской флаг нашей страны.

Матросы в строю не шелохнутся, глаз не сводят со своего флага. Офицеры все руку к козырьку: честь флагу отдают.

Стоит наверху сам командир корабля. Старый боевой моряк. Смотрит на флаг и вспоминает, какой он молодой был двадцать девять лет назад, когда стала у нас советская власть и над нашей страной в первый раз поднялось красное знамя с крестьянским серпом, рабочим молотом и красноармейской звездой — знамя Ленина. Много морей исходил с тех пор наш командир. Попадал он в бури, не раз сражался на своём корабле с врагами. И всегда на мачте его развевался флаг с серпом, молотом и красной звездой. Однажды враги попали из пушки в его корабль. Корабль загорелся, стал тонуть. С вражеского корабля закричали: «Снимите советский флаг, тогда спасём вас!» — «Погибаю, но не сдаюсь», отвечал

командир и приказал ещё выше поднять флаг на мачте. Но он не погиб. Его спасли моряки другого советского корабля. И теперь наш командир опять плавает по морям под флагом со звездой.

Стоит рядом с командиром молодой матрос, голову закинул, глядит вверх, на флаг. Сынишку своего вспоминает. Как вёл он его Первого мая в детский сад и купил малышу на улице красный флажок со звездочкой...

Стоят старые и молодые моряки, матросы и офицеры, смотрят все на флаг. И каждый молча вспоминает: кто Красную площадь в Москве, кто свой дом и ребят, кто завод, на котором работал до морской службы. Так стоят моряки, пока не услышат команду: «Вольно!» Тогда все расходятся по кораблю на свои места, и каждый принимается за дело.

Однажды поднялась буря в море. Волны стали бросать корабль. И оборвалась снасть на мачте. Упал флаг на палубу. Увидел это молодой матрос, который про сынишку вспоминал. Поднял флаг, побежал сейчас же к командиру. Доложил ему и просит:

— Разрешите, товарищ командир, мне на мачту слазить и всё исправить.

— Нельзя сейчас, — говорит командир. — Погоди, стихнет ветер, тогда полезешь. Видишь, как мачта размахалась. Сорвёшься сверху в море и погибнешь.

А матрос всё просит:

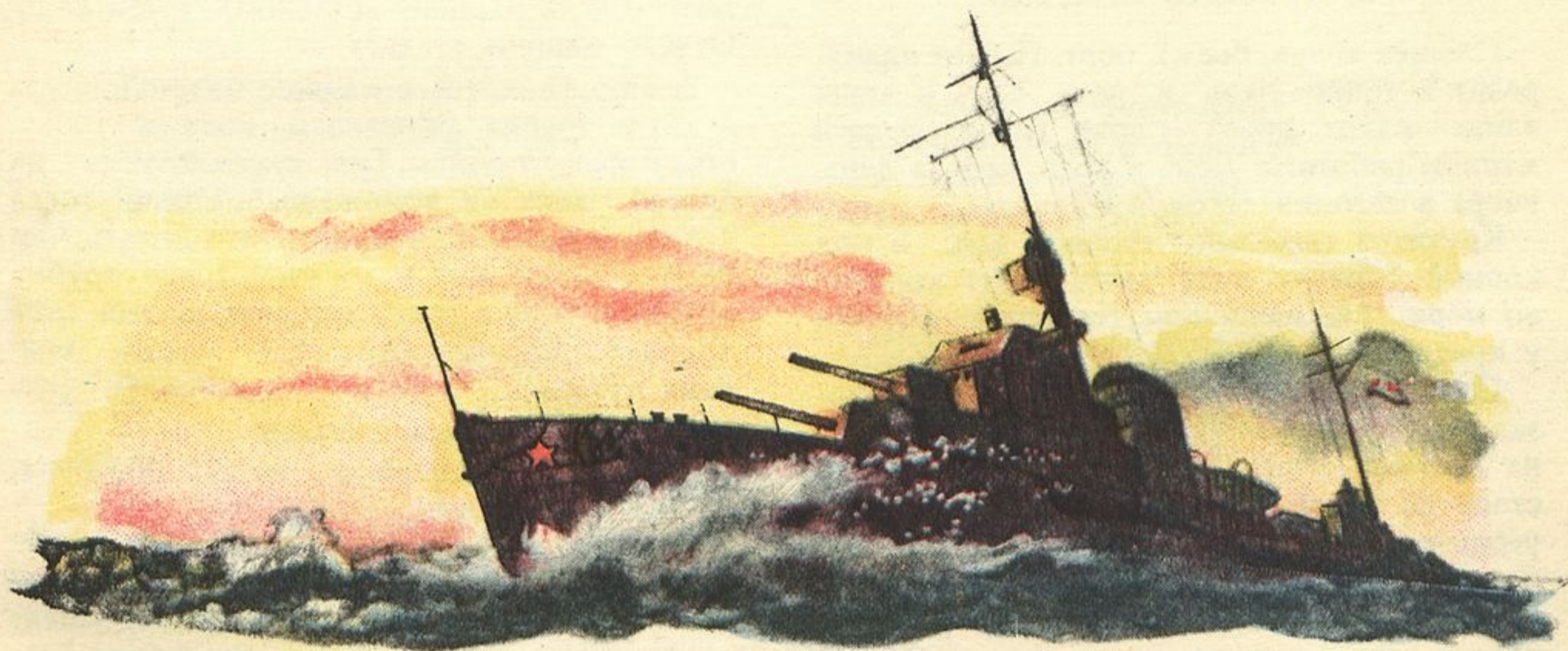
— Разрешите! Я мигом! Не сорвусь. А то

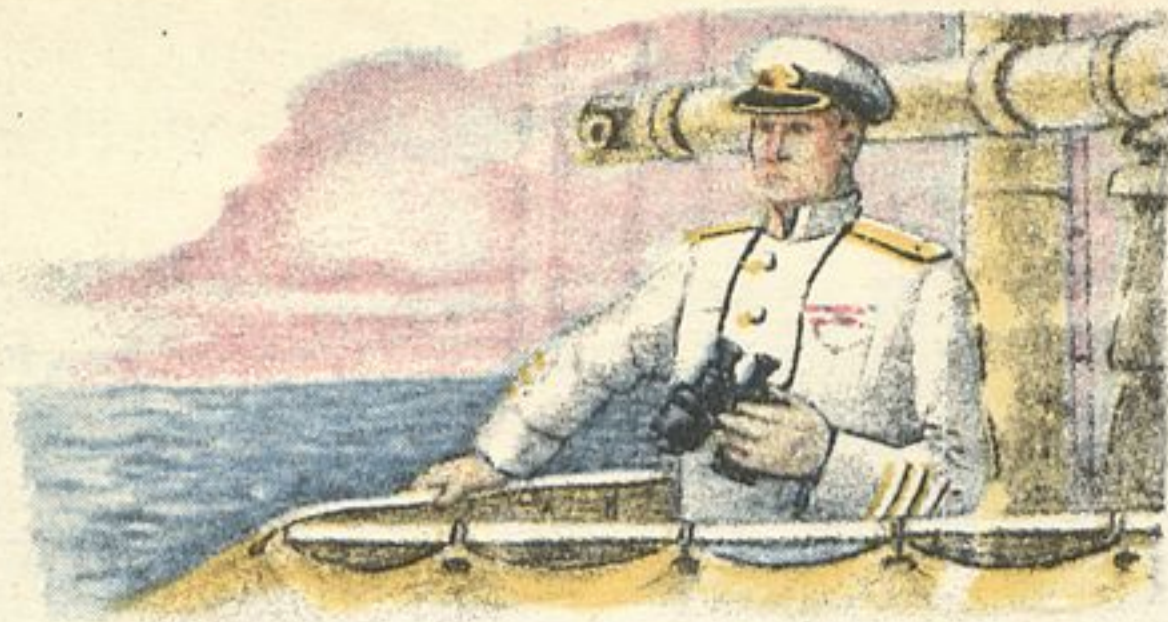
некрасивое дело это — кораблю итти без нашего флага. Вон навстречу иностранец показался. Должен понимать, что советские плывут.

Взглянул командир на мачту. Качается высокая мачта из стороны в сторону. Посмотрел командир на матроса. Стоит перед ним высокий моряк, не качнётся. И разрешил командир. Велел только верёвкой к мачте привязаться.

Обвязался матрос верёвкой, воротник заправил внутрь, под рубаху, ленточку от бескозырки в зубы взял, чтоб с головы шапку не сорвало. И полез на мачту. На самую верхушку. Выше пятиэтажного дома мачта. А ветер свистит. Волны корабль с боку на бок кладут. Раскачалась мачта. Вот-вот сорвётся с неё матрос в море. А в море акулы проголодались. Ждут, что свалится к ним смельчак. Уже пасть раскрыли. А во рту у них зубов — как на хорошей бороне, в три ряда!

Но не дождались жадные рыбины! Удержался ловкий моряк, исправил снасть на мачте. И снова над кораблём заиграл на ветру боевой советский флаг. «Спасибо!» сказал командир и обнял молодого матроса, когда он спустился на палубу. А встречный иностранный корабль увидел на мачте нашего корабля советский военный флаг. И, как полагается торговому кораблю по морским законам, первый поклонился своим флагом. Наш корабль вежливо и гордо

кивнул в ответ флагом с серпом, молотом и звездой.

А когда к вечеру солнце стало садиться в море, снова скомендовали:

— На флаг — смирно!

Опять стихло всё на корабле. И как только последний золотой краешек солнца ушёл в синее море, на корабле дали команду: «Флаг спустить!» Медленно пошёл вниз флаг. И снова все молча вспоминают родину, дом, ребят. Флаг бережно свернули на ночь и прячут до утра. А на корабле зажглись ночные огни: сверху белый, слева красный, справа зелёный. Кончился день в море. А до дому плыть ещё много дней. Далеко до родины. Но каждый день, утром и вечером, где бы ни плыл наш корабль, советские моряки молча славят свою родину в час, когда по кораблю разносится команда:

— На флаг — смирно!..

2. ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Плещет волна, бьёт в борт. Пышет пламя, ревёт в топке. День и ночь, ночь и день: взмах—вздых, вверх — вниз, качает рычаги машина-работяга. День и ночь, ночь и день, вчера и сегодня, сегодня и завтра...

Крутится тяжёлый гребной вал, и под кормой буравит воду винт, гонит корабль по морю. На машинном телеграфе стрелка у красной надписи: «Вперёд полный!»

Полным ходом идёт корабль. Так приказал командир. Командир на самом верху, на мостике, стоит. А в самом низу корабля стоят на вахте кочегары. Лопатами кидают уголь в топку. Наберёт кочегар угля на лопату, откроет дверцу топки и туда, в самую пасть, лопату суёт. Словно обжору-великана с ложки кормит.

Кочегар — кормилец машины. Не насытит углём топку — потухнет огонь, остынет вода в котлах, замрёт машина, станет корабль.

Вокруг корабля вода. А тут внизу — огонь. Жарко. Стоит кочегар, голый до пояса. Кончит бросать уголь, закроет топку, отопьёт из кружки холодной воды и опять за лопату берётся. Взмах — вздох, вверх — вниз. Летит уголь в топку, пышет пламя, кипит вода в котле. И море вокруг корабля кипит. Буря на море. Бросает корабль — вверх, вниз. Расставил кочегар ноги пошире, упёрся крепче, чтобы не упасть. Тяжёлая у него работа. Но стрелка на круге у машины показывает: «Полный вперёд». Так приказал командир — значит, надо идти вперёд полным ходом.

Хорошо стоит вахту молодой кочегар. Жаром его из топки обдаёт, пот с него градом катится, под ногами железный пол ходуном ходит, а кочегар, знай, уголь поддаёт.

Полный ход! Вперед полный!..

И вдруг засвистело что-то в топке, повалил пар, и запрыгали стрелочки на приборах, по которым видно, как машина работает. И пошёл корабль уже не полным ходом, а средним. А вот уже не средним ходом — малым идёт. И потом совсем стал винт под кормой, словно загустела вода, завяз он в ней и не повернётся.

Кинулся кочегар к топке. Подбежали механики, машинисты. Сверху, с мостика, командир уже звонит по телефону, спрашивает: «Эй, в машине! Доложить, в чём дело. Отчего машина стала?»

А приключилась в машине беда. Лопнула в котле трубка. Ворвалась вода в топку, стала огонь тушить. Тут сколько угля ни бросай, делу не поможешь... Стали тогда механики и кочегары думать: что делать, чем беде помочь? Как в горячей топке трубку починить? Пока топка остынет, целый день пройдёт... Корабль без ходу в море волнами разобьёт.

И сказал молодой кочегар:

— А ну-ка, товарищи, ну-ка, браточки, дай-ка я попробую...

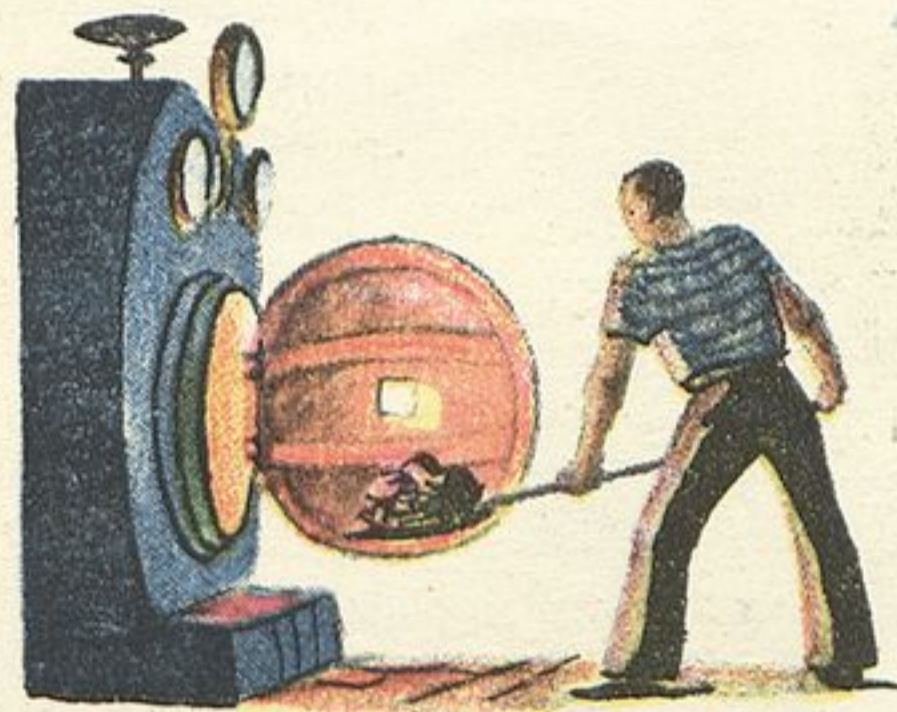
Надел он на себя ватную куртку, толстые штаны, заправил их в высокие сапоги. Руки — в рукавицы, на голову — шапку-ушанку, в рот — мокрый платок. Зажмурил гла-

за и полез в ещё горячую топку. Велел только двум матросам его из насоса холодной водой поливать, чтобы не загорелся он в топке...

А в топке жара — почти 200 градусов. Воздух—огонь. Всё вокруг жаром пышет и обжигает. Спалилась кожа у кочегара. Вот-вот волосы вспыхнут, веки спеклись, брови дымятся, ресницы горят... А кочегар всё дальше лезет в топку. Боевой парень, черноморский матрос. Всю войну на флоте плавал, не раз в жарких делах был.

Поливают его из насоса товарищи. А он сосёт мокрый платок и дышит через него.

Пробрался кочегар в самую топку, нашёл руками, где трубка лопнула, да тут память от жары потерял. Вытащили его товарищи, стали водой отливать. А в это время уже другой моряк в топку пробрался, стал там трубку исправлять. Поработал, сколько мог, вытащили и его, а тем временем моло-

дой кочегар отдышался и снова в топку кинулся. Так и работали они целых четыре часа, то один, то другой. Вылезет из топки, отлежится, отдышится, попьёт воды — и в топку товарища сменять. А через четыре часа зазвенел на мостике телефон, и снизу из машины сказали командиру: «Всё в порядке. Машина в исправности, можем идти полным ходом». И скомандовал командир: «Полный вперёд!» Звякнул в машине телеграф, забегала по кругу стрелка и стала у красной надписи: «Вперёд полный». Подбросил кочегар угля в топку. Заревело пламя. И двинулась, ожила машина: взмах —

вздых, вверх — вниз. Закачались рычаги, завертелся вал, заработал винт. И пошёл корабль по морю. Спереди у носа двумя белыми крылами пена ударила. Позади вода горой встала. А кочегар, знай, поддаёт уголь в топку.

Полный ход! Вперёд полный!..

СЕРГЕЙ ТОЛСТОЙ

ХОЧЕШЬ САМЫМ СИЛЬНЫМ СТАТЬ?

Хочешь самым сильным стать.
Самым сильным и могучим,
Чтобы тучи разогнать,
Если соберутся тучи?

Хочешь стать богатырём,
Вроде Муромца в былинах?
Захотел — и поднял дом,
Захотел — и передвинул!

Хочешь самым смелым быть,
Самым ловким и отважным?
Справиться с врагом любым,
Если их и двое даже?

Слышишь, музыка играет?
Посмотри в окно скорей —
День рождения справляет
Свой семья богатырей.

Трубачи идут, трубя,
Шаг пехоты раздаётся...
Будет день, и для тебя
Место среди них найдётся!

А. С. ПУШКИН

1837 — 1947

Александр Пушкин.
С гравюры П. Е. Гейтмана.

В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Когда царь сослал Пушкина в глухое село Михайловское, друг поэта—Иван Пущин — решился навестить его в ссылке. Много лет спустя Пущин сам рассказал об этой встрече с Пушкиным в своих записках.

Дом, где жил Пушкин, стоял в стороне от большой дороги. Сани мчались среди леса, а усадьбы за частыми соснами всё не

было видно. Наконец поскакали в гору. Вдруг крутой поворот, и вломились смаху в ворота. Лошади протащили сани мимо крыльца и остановились в снегу нерасчищенного двора.

Пушкин выбежал встречать друга на крыльцо босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Было около восьми часов утра, он ещё не вставал и, увидев Пущина в окошко, выбежал ему навстречу, в чём был. Пущин выскочил из саней, схватил Пушкина в охапку и потащил в комнату. Он боялся, что Пушкин простудится. День был январский, морозный.

Они обнялись. Так их и застала в комнате Арина Родионовна — няня Пушкина, — одного в заиндевевшей шубе и шапке, другого в рубашке. Няня ничего не спросила, а увидев, как Пушкин обрадовался другу, тоже обняла Пущина.

Пущин был годом старше поэта. Дружба их была давняя. В лицее, где они вместе учились, комнаты их были рядом. Когда все кругом засыпали, они подолгу ещё бывало разговаривали друг с другом через перегородку. Теперь же они пять лет не виделись и не могли наговориться.

В Михайловское Пущин привёз рукопись комедии Грибоедова «Горе от ума». Напечатать или представить её в театре тогда было нельзя, потому что эта комедия осмеивала порядки, существовавшие в тогдашней царской России. После обеда Пушкин стал читать эту комедию вслух.

В небольшой комнате Пушкина повсюду видны были исписанные листы бумаги и перья. В Михайловском Пушкин много писал. Он прочёл Пущину свои новые стихи и продиктовал ему начало поэмы «Цыганы». Потом Пушкин попросил друга передать эти стихи поэту-революционеру Рылееву и поблагодарить Рылеева за его патриотические стихотворения «Думы».

День в Михайловском промелькнул незаметно. Миновал вечер. Ямщик уже запряг лошадей, колокольчик брякнул у крыльца. После полуночи друзья стали прощаться. Они чокнулись. Пущин молча набросил на плечи шубу. Пушкин вышел на крыльцо со свечой в руке. Кони рванули под гору, слышалось: «Прощай, друг!»

Это было в январе 1825 года. А в конце того же года в Петербурге началось вооружённое восстание против царской власти. Оно произошло в день 14 декабря, и мы называем его восстанием декабристов. Поэт Рылеев, которому Пушкин передал через Пущина из Михайловского свой привет, стал вождём этого восстания. Когда оно было подавлено, Рылеев был повешен по приказу царя, а Пущин сослан на каторгу в Сибирь. Но в день приезда Пущина в

Михайловское, — а день этот запомнился им на всю жизнь, — друзья не думали, что они никогда больше не свидятся.

Через три года Пущин доставлен был из Шлиссельбургской крепости в каторжный Читинский острог. Там в первый же день ему потихоньку передали листок: это было послание, которое Пушкин переслал ему в Сибирь. Оно начиналось с воспоминания о приезде Пущина в Михайловское:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил...

Пущин прочитал стихи, а после сказал: «Отрадno отозвался во мне голос Пушкина!»

И. Фейнберг.

Из стихотворений А. С. Пушкина

Рис. М. РОДИОНОВА

Н Я Н Е

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный, отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

* * *

Ещё дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчёлка.
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостя дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой берёзы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветёт черёмуха душиста.

ПОЛТАВСКИЙ БОЙ

Рис. М. РОДИОНОВА

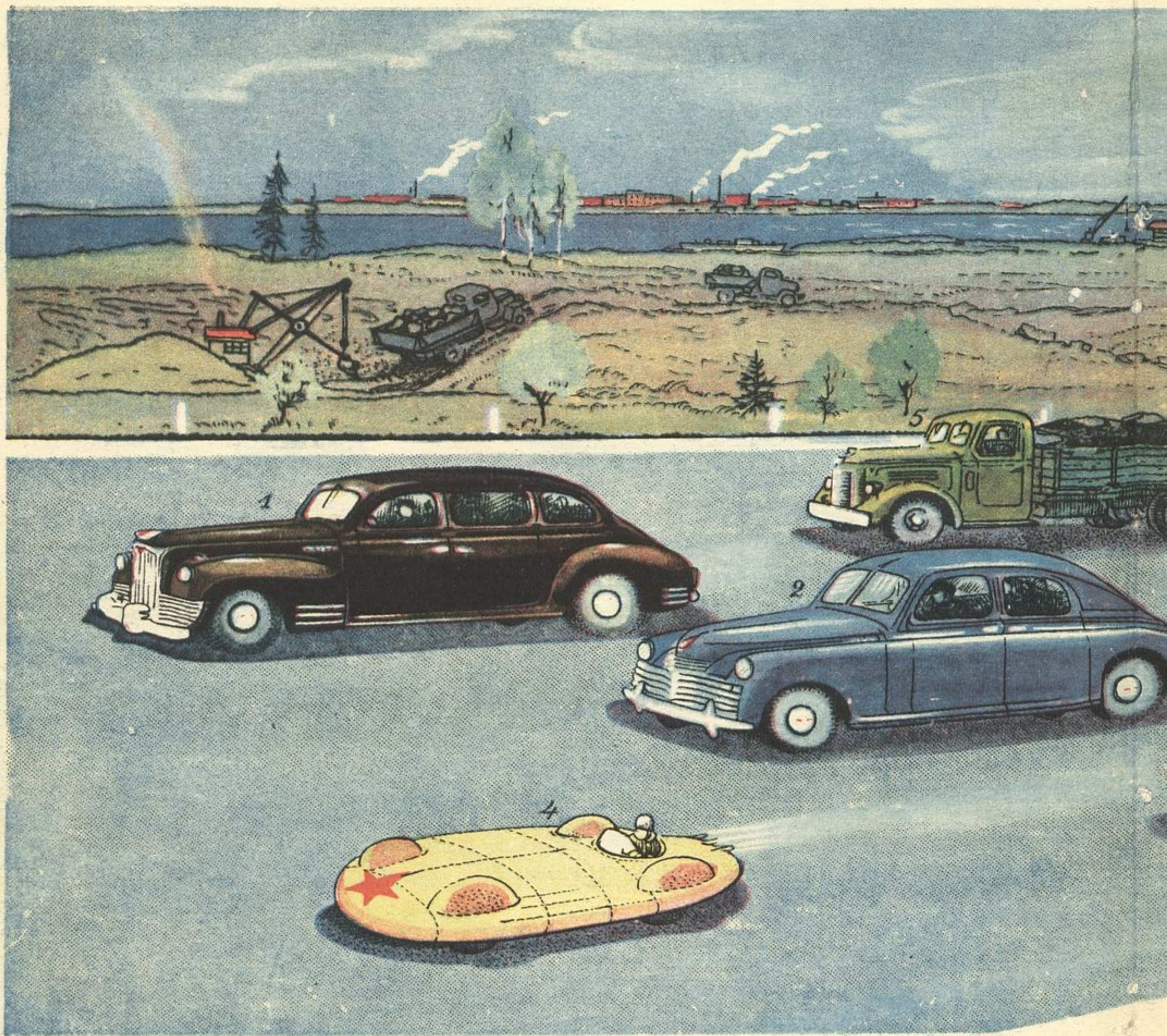
Отрывок из поэмы А. С. Пушкина „Полтава“

Горит восток зарёю новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь ¹ окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею

¹ О г н ь — огонь.

И тяжкой твёрдостью своею
Её стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там:
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

АВТОМОБИЛИ СТАЛИ

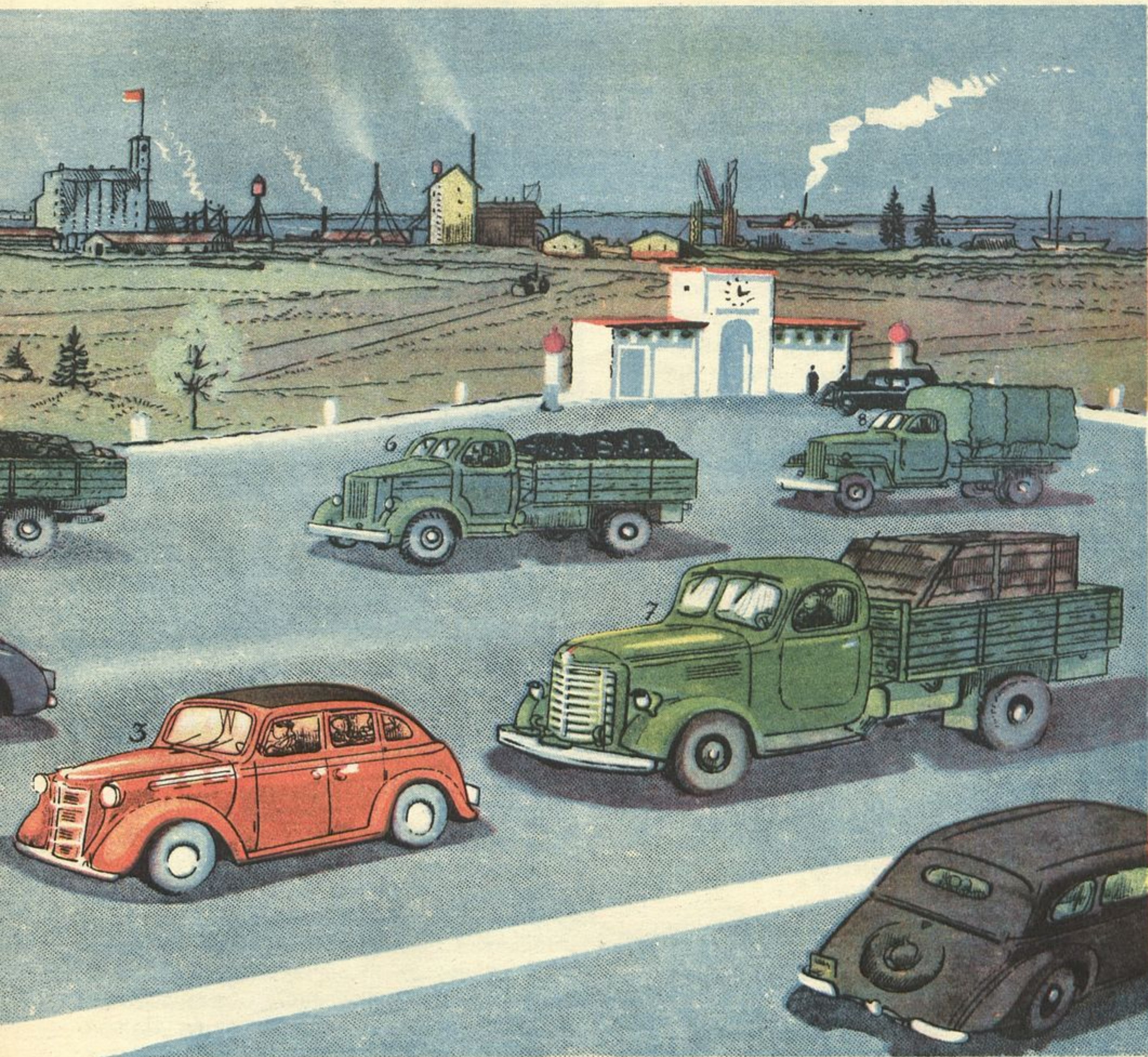

Катят, мчатся, бегут машины. Гудят, поют, трубят сигналы: «Дорогу...» Посторонись, дружок, дай дорогу, и пусть тебя обдует быстрый и лёгкий ветер, что несётся вслед за машинами. Погляди, какие красивые автомобили идут по шоссе. Это наши новые машины: автомобили сталинской пятилетки. Впереди всех красавец «ЗИС-110» (1). Сделан он на заводе имени Сталина в Москве. Не автомобиль, а комната на колёсах! Семь седоков умещаются на широких мягких диванах «ЗИС-110». Станет им жарко — надавят кнопку, и тотчас сами спрячутся стёкла окон, влетит в машину

прохладный ветерок. Холодно станет — можно, как в доме, пустить отопление, и станет в машине тепло. Есть в «ЗИСе» и радио, чтобы не было скучно ехать.

За «ЗИСом» спешит машина поменьше, остроносая и острохвостая (2). Это новый пятиместный автомобиль завода имени Молотова в Горьком, где делали всем знакомые «эмки». А новую машину горьковские инженеры и рабочие назвали «Победа» — в честь победы над фашистами.

Катит проворный малыш «Москвич» (3) — так называют эту маленькую машину-малолитражку.

Она глотает на бегу очень мало бензина, и легко везёт четырёх седоков.

А вот ещё одна машина, плоская, низкая, с виду совсем как черепаха (4). Но совсем не черепаший у неё шаг: несётся она быстрее стрижа. Это гоночный автомобиль «Звезда». Она сделана нарочно для автомобильных гонок.

Позади громяхают могучие грузовики «ГАЗ-51» (6), «ЗИС-150» (7), «ГАЗ-63» (8), «ЯАЗ-200» (5). Самый мощный из них ярославский грузовик, — богатырь «ЯАЗ-200». У него мотор сильнее, чем сотня лошадей. Автомобилям нужна дорога, а

грузовик «ГАЗ-63» и без дороги пройдёт: у него мотор не только задние колёса, но и передние крутит. Всеми четырьмя колёсами он отталкивается от земли: на гору влезет, в грязи не застрянет, из болота выкарабкается.

Вот какие машины умеют делать советские рабочие и инженеры. И всё больше, всё больше машин выпускают заводы. К концу пятилетки каждую минуту из ворот наших заводов будет выезжать новенький автомобиль. Что ни минута, то новый автомобиль.

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

(Из повести о детстве и юности Серго Орджоникидзе)

Дом, в котором жил Серго, находился неподалёку от виадука—высокого железнодорожного моста. Свободное время Серго с товарищами проводили на мосту. Они подолгу смотрели вниз, разглядывая стоящие рядами вагоны, извилистые полосы рельсов, локомотивы, которые то и дело пробегали под ними, окутывая их дымом и паром.

Но больше всего они любили бывать на станции. Целый день здесь было тихо и дремотно. В зале, где было прохладно и пахло сыростью, изредка показывалась физиономия телеграфиста. В укромном уголке похрапывал единственный носильщик с огромной бляхой на груди, и только буфетчик Сашко с утра уже бывал навеселе и радушно угощал начальника станции.

Дремота продолжалась на станции до самого вечера. Но вот со стороны Сурамского перевала слышался дальний гудок. Мальчики быстро прижимались ухом к рельсам, слушая, как нарастает гул. Неожиданно поезд вырывался из каменного ущелья и, отдуваясь, останавливался у деревянной платформы.

Станция сразу оживала. На платформе откуда-то появлялся жандарм. Он помогал носильщику носить тяжёлые чемоданы. Сашко суетился у буфета.

Однажды на станции Серго встретил своего товарища по школе, Ноя Буачидзе.

— Эй, Ной, ты что здесь делаешь? — окликнул его Серго.

— А ты что? — задорно ответил Ной.

С первых же слов они чуть не поссорились, но Серго так добродушно улыбнулся, что сразу расположил к себе товарища.

— Что это мы, как петухи? — Ной тоже улыбнулся большим, некрасивым ртом. — Пойдём лучше, побродим!

Мальчики вместе отправились в горы. Они долго подымались по узким тропинкам, и каждому хотелось начать разговор — хороший, добрый и душевный разговор, который сблизит их, сделает друзьями.

Г. К. Орджоникидзе.

— Я знаю, что вы надо мной смеётесь, — заговорил наконец Ной, стараясь не глядеть в глаза товарищу. — Меня и директор называет переростком... А разве я виноват?

Мальчики легли в густую траву. Монотонно стрекотали кузнечики. Серго внимательно слушал товарища, разглядывая открывшуюся перед ним картину. Далеко внизу виднелись Белогоры, извивались блестящие на солнце рельсы. Вокруг — холмы, предгорья и горы. Облака запутались в высоких вершинах и повисли, пронзённые острыми отрогами скал.

— Я ведь из деревни, — рассказывал Ной. — Отец мой — простой крестьянин, да к тому же — бедняк. Где ему было вывести меня в люди!.. Но у меня хватило упорства, настойчивости. Занимался по ночам, свечку жёг тайно, а всё же читал. Сколько раз от отца попадало: свеча ведь денег стоит. Отец был против моего ученья:

«Не наше,—говорил,—это дело. Учись пахать, сеять, а чиновников и без тебя хватает». Всё же я окончил церковно-приходскую школу. Учитель у нас был хороший, меня любил. Он и попросил отца отдать меня учиться дальше. «Выйдет священником или кем ещё — вам же приятно будет». — «Ну, — говорит отец, — коли священником, ладно!» По осени он отвёз меня в Белогору. Конечно, тяжело ему было, но кое-как он сводил концы с концами. А в прошлом году стряслась беда: его арестовали и отдали под суд. — Ной замолчал, сосредоточенно жуя горькую травку — Обвинили в незаконной порубке леса. Незаконной! — Он выплюнул травинку. — Скажи, бичо¹: а почему они считают законным отнимать у крестьянина последнюю корову?

Вечерело. В горах стало прохладно. На траве выступила роса.

— Отца присудили к году тюрьмы, — продолжал Ной. — Мне пришлось оставить ученье: нужно было помогать семье. Работал я здесь на станции, а деньги посылал в деревню. Так прошёл год. Летом отца выпустили. Изменился он, исхудал, ослаб, но всё-таки работает. Я смог снова сесть за учебник, но время было пропущено. Поэтому я и остался на второй год.

После этой прогулки мальчики не раз вдвоём бродили по окрестным горам. Чем ближе узнавал Серго Ноя, тем больше привязывался к нему. Его новый друг был умным, начитанным юношей. Он очень хо-

рошо знал и любил историю Грузии, умел глубоко разобраться в прочитанном. Под влиянием Буачидзе Серго стал много читать.

Серго и Ной обычно делились впечатлениями о прочитанных книгах.

— Ты читал книгу о Прометее? — спросил однажды Ной, когда они вместе прогуливались по платформе в ожидании вечернего поезда.

— Нет, — отвечал Серго. — А что, интересная?

— Очень.

Ной рассказал её содержание... Много тысяч лет тому назад люди жили плохо и бедно. У них не было даже огня. И вот нашёлся смелый человек, который решил похитить у богов огонь и подарить его людям. Этого человека звали Прометей.

Начало рассказа очень понравилось Серго.

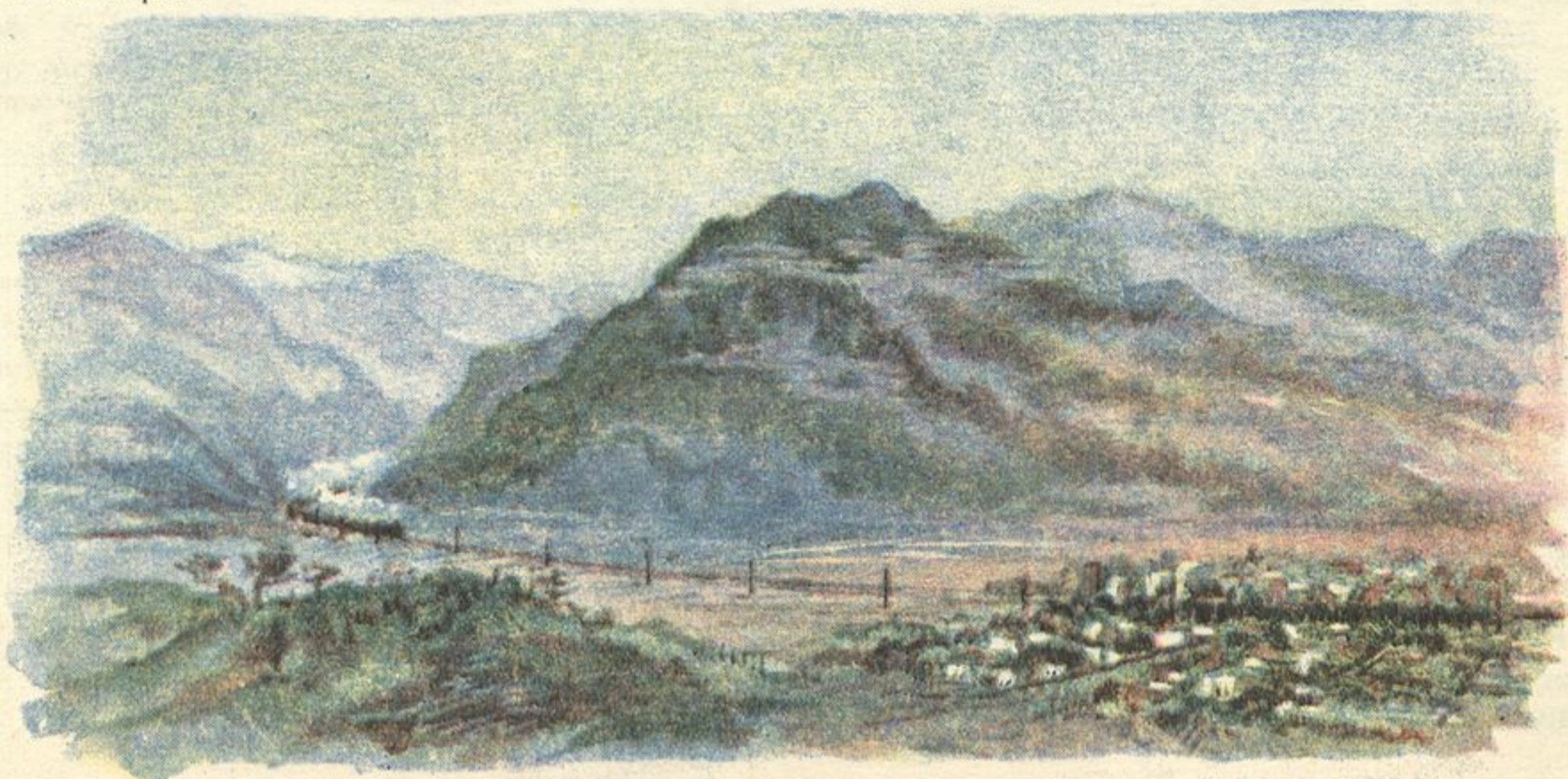
— Ну, ну, что же дальше? — с живостью спросил он.

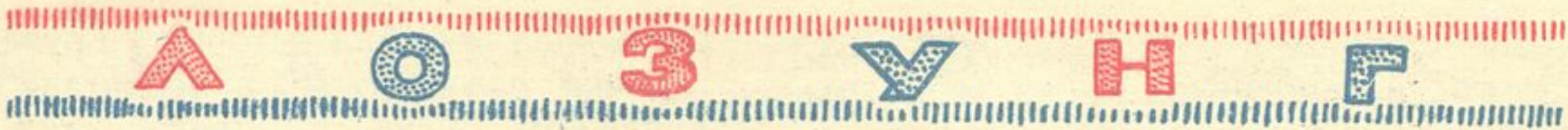
— Прометей подарил людям огонь. Он осчастливил их, но за это главный бог приковал его к кавказской скале. Каждый день к нему прилетал орёл и клевал его сердце. Бог хотел, чтобы Прометей попросил у него пощады...

— А он? — с волнением спросил Серго. — Он-то что?

— Он ответил, что за людей готов итти на любые муки... — торжественно проговорил Ной, глядя на Серго горящими, чёрными глазами.

¹ Б и ч о — парень.

Я. ТАЙЦ

Рис. М. БУТРОВОЙ

Галя поднялась на крыльцо, хочет постучать в дверь, а стучать нечем. Руки заняты: в одной руке сумка с книгами, в другой — свёрнутый в трубу большой бумажный лист. Тогда Галя приставила трубу ко рту, словно рупор, и закричала:

— Мама, открой!

Мама открыла дверь.

— Галочка, почему так поздно? Я уж хотела в школу бежать...

Галя затопала, сбивая снег с валенок: топ-топ!

— Ой, мама, ты ничего не знаешь! У нас было собрание. И мы решили выпускать стенгазету «Дружба». И меня назначили редактором...

— Ишь ты, какая важная!

Мама помогла Гале раздеться, повесила её пальто и капор на гвоздик и сказала:

— А справишься ли?

— Справлюсь, — ответила Галя. — У меня три заметки есть. Вот! Про нашу отличницу Катю Сомову, и «Уголок смеха», и ещё — «Что кому снится». А ты мне можешь только заголовки и лозунг. Ладно, мама? Ты ведь художница!

— Не знаю, Галочка. Я тут стиркой занялась. А завтра с утра на работу.

Галя стала упрашивать:

— Мамочка, ну миленькая, ну хорошенькая...

Мама засмеялась.

— погоди, редактор. Первым делом руки мыть и ужинать. Всё двадцать раз грелось — перегрелось.

— Не хочу ужинать!

Всё-таки Галя вымыла руки и побежала в комнату за полотенцем.

— Ой, мама, а где же газету делать? Весь стол занят посудой!

Мама из кухни ответила:

— А ты бы, дочка, убрала!

Галя сказала:

— Мамочка, мне ведь некогда. Мне надо всё приготовить! Мама, очини мне карандаши, а то у меня ломаются. Мама, дай мне пёрышко! Мама, где моя линейка?

— Сейчас, дочка, сейчас!

И мама, бегая из кухни в комнату и из комнаты в кухню, быстро убрала со стола, вымыла посуду, налила Гале супу и сказала:

— Ешь!

Галя стала глотать горячий суп.

— Знаешь, мама, а Катя Сомова говорит: «Почему Галя — редактор, почему не я?» А старшая вожатая говорит: «Потому что Галина мама — художница». А Катя говорит... А девочки говорят...

А мама стояла около Гали и приговаривала:

— Поменьше болтай, Галка! Ешь как следует! С хлебом!

После ужина Галя зевнула и стала кулаками тереть глаза:

— Ты не думай, мама, я спать ни капельку не хочу. Я буду газету делать. Только опять эта посуда мешается.

Мама во второй раз убрала со стола, вытерла клеёнку чистой тряпочкой, постелила скатерть и пошла на кухню стирать. А Галя развернула бумажную трубку, разложила заметки, карандаши и побежала на кухню:

— Мама, пойдём!

Мама оторвалась от корыта, вытерла руки, сняла фартук:

— Пошли, товарищ редактор.

Галя аккуратно наклеила заметки. Потом мама взяла зелёный карандаш и стала выводить буквы. Только не простые, а будто сложенные из берёзовых жёрдочек, с пятнышками.

Галя смотрела на эти берёзовые жёрдочки — и вдруг незаметно очутилась в берёзовом лесу. Шумят деревья, поют птицы, и откуда-то издали, из самой чащи, доносится мамин голос:

— Ау, Галя, спишь?

Галя хочет сказать: «Нет, не сплю!» — и не может. Так она и заснула, уронив голову с двумя косичками на большой бумажный лист.

Мама стала её раздевать, Галя приоткрыла один глазок, сказала:

— Мне спать ну ни капельки не хочется! — и заснула крепким сном.

А мама долго ещё сидела над Галиной газетой. Синим карандашом написала «Орган третьего класса Б». Потом вспомнила:

«А как быть с лозунгом? Галка не сказала, какой лозунг надо. А будить её жалко!»

Мама подумала-подумала, потом придумала лозунг сама и написала его большими, печатными, красными и синими буквами. Потом свернула газету в трубку и пошла на кухню стирать.

А Галя долго ещё спала. Ей снился берёзовый лес, и огромная зелёная стенгазета, которую читают и зайцы, и белки, и медведи...

Наконец она проснулась. Мамы нет. На столе приготовлен завтрак. На спинке кровати висит чистое бельё для Гали, и платье, и чулки. А на чашке с молоком записка:

«Галочка, всё поешь, ничего не оставляй. И пенку тоже. Если успеешь, убери за собой. Мама».

Но Галя встала поздно. Тут не то что убрать — как бы и в школу не опоздать! Она поела наскоро, подхватила бумажную трубку и — в школу. На улице Галя то и дело заглядывала в трубку: как там

газета получилась? Но в трубе, как нарочно, было темно — ничего не видно.

Галя едва успела к звонку. На перемене девочки окружили её:

— Ну как, Галка, готова газета? Показывай!

Девочки стали медленно развёртывать бумажную трубку. И вот показалась буква «Д», потом «Р», потом «У», и вот уже виден весь сложенный из берёзовых жёрдочек заголовок: «Дружба».

Все зашумели:

— Ой, как красиво! Ой, как хорошо!

Вдруг Катя Сомова сказала:

— Пойдите, девочки! Поглядите, что это за лозунг! Разве такие бывают?

Девочки посмотрели и сказали:

— Конечно, таких не бывает! Катя права! Мы таких не видели!

Галя прочитала лозунг и чуть газету не выронила. Что же это такое? Мама всё, всё испортила! Теперь всё сначала начинай.

С трудом сдерживая слёзы, она стала свёртывать газету. Но тут подошла старшая вожатая. Она взглянула на газету и сказала:

— Пойдите-ка, Галочка. Какая замечательная газета! Отличная работа. А лозунг какой хороший! Эту газету надо обязательно вывесить в большом зале.

И газету повесили на стенку, и все читали и про Катю Сомову, и «Уголок смеха», и «Что кому снится», и лозунг, который Галина мама написала синими и красными буквами:

«Да здравствуют дочки, помогающие мамам!»

А вечером, после ужина, мама спросила:

— Ну как, Галочка, стенгазета понравилась?

— Понравилась, — ответила Галя, вскочила и стала быстро убирать со стола.

Тогда мама поцеловала Галя в нос и сказала:

— Да здравствуют дочки, помогающие мамам!

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

Рис. В. КУРДОВА

Заяц, косач, медведь и дед Мороз

Коле Сладкову

Злой голой осенью вот уж плохо стало жить лесному зверью!

Плачет заяц в кустах:

— Холодно мне, зайньке, страшно мне, беленькому! Все кусты облетели, вся трава полегла, — негде мне от злых глаз спрятаться. Надел шубку беленькую, а земля черным-черна, — всяк меня видит издали, всяк меня гонит-ловит. Пропала моя головка!

Косач-тетерев с берёзы бормочет:

— Боюсь понизу бродить, боюсь ягоду клевать. На верховище сижу, кругом гляжу, одни серёжки клюю. Ветром меня на ветках качает, дождём меня мочит, — сидеть нет мочи!

Медведь ворчит:

— Вовсе в лесу жрать нечего стало, — хоть к людям иди, коров дави. Давно бы спать завалился, да земля гола, берлога кругом видна, — сейчас охотники найдут, сонного убьют.

Сговорились заяц, косач и медведь, послали синицу за дедом Морозом.

— Приходи к нам, дед Мороз, приноси нам, дед Мороз, приноси нам, дед Мороз, зиму.

Дед Мороз покряхтел, покряхтел, пришёл — мешок снега на лес высыпал.

Стало кругом бело да ровно.

Медведь сказал:

— Вот и ладно. Спасибо тебе, дед Мороз!

Залез под кучу валежника. Кучу снегом запорошило, и не видать, что там берлога.

Заяц сказал с оговорочкой:

— Спасибо тебе, дедушка Мороз! Теперь не видно меня, беленького. Хороша твоя пороша, да вот тёплая: снег-то мягкий, пушной. Следишки мои на нём всем видны. Где ни ляжешь отдохнуть, сейчас кто-нибудь найдёт.

А косач — тот даже «спасибо» не сказал.

— Какая это, — бормочет, — зима, когда снегу курице по колено, когда не прикрыл снег и лежачего полена! Зима наспех — курам насмех. Ни снегу, ни мороза. Что ж мне — так всю зиму и болтаться на берёзе?

Пожалел его дед Мороз, давай снег на лес большими мешками валить да примораживать, чтобы крупичатый был.

Косач сказал:

— Вот это дело! — да бух с берёзы в

снег. Там и ночевал: в норке-то тепло и не видно.

Заяц сказал:

— Дедка Мороз, а со мной-то что ж ты делаешь! Легко ли мне по эдакому снегу бегать? Глыбко. Ведь по уши в него проваливаюсь! А тропой пойдёшь — тут тебе и лиса встречь, тут тебе и капканы наставлены. Ты меня, зайньку, пожалей: чтобы сверху снег корочкой был.

А медведь — тот ничего не сказал, — спал.

Пожалел дед Мороз зайца. Стал днём снег растоплять, побежали под валежник струечки. А ночью сырой-то снег сверху давай мостить — примораживать. Сделал наст — крепкую ледяную корку.

Заяц сказал:

— Вот тебе спасибо-то, дедушка Мороз! Теперь всё ладно. По насту бегу — не проваливаюсь. Даже и следишек моих на нём не видать.

Косач сказал:

— Да ты что, рехнулся, дед? Я с вечера в мокрый-то снег бухнусь, поглубже зако-

паюсь, ан утром хоть башку себе разбей:
ледяная крыша над головой!

А медведь как выскочит из берлоги, как
рявкнет:

— Эй, ты, старик! Что снег топишь,
струйки пускаешь? Все штаны мне подмочил!

Шарахнулся от него дед Мороз.

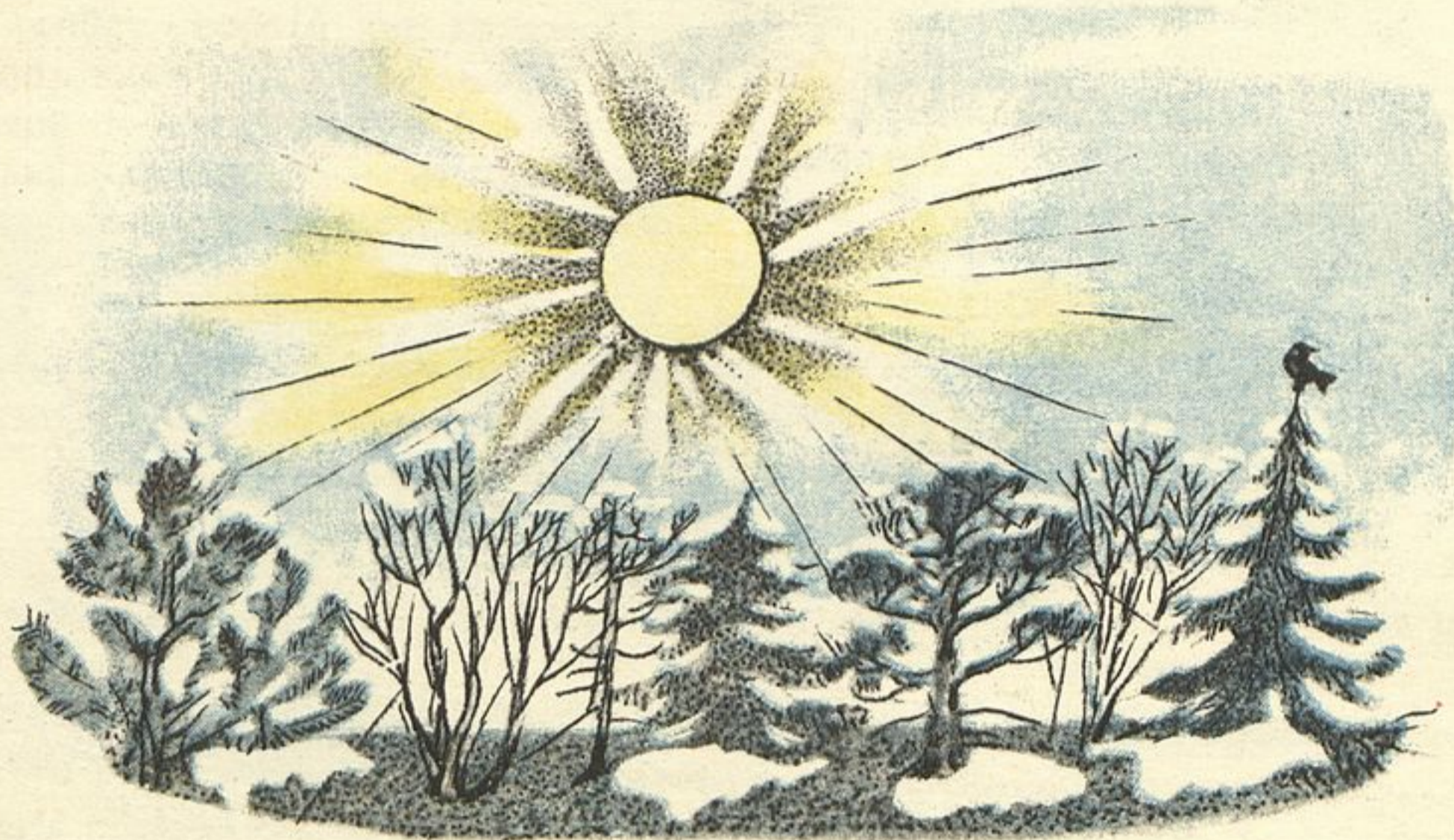
— А ну вас! — говорит. — Привереды!

Кому чего! На всех не угодишь. Я лучше
во-свояси уберусь.

И ушёл.

Ну, сказать, лесное зверье не больно
долго о нём плакало: взамен ему синица жи-
во Весну привела. А Весна,—сами знаете,—
всем красна. И всему лесному зверью любя.
Всех утешила и всех развеселила.

А как она это сделала, о том другой сказ.

ЗАГАДКИ

Бежит, бежит — не выбежит,
течёт, течёт — не вытечет.

★

Стоит над рекой, — трясёт бородой.

★

Все меня топчут — вытоптать не могут.

★

Через речку лёг — пробежать помог.

★

Широко, а не море; золото, а не деньги.
Сегодня — на земле, а завтра — на столе.

★

Над бабушкиной избушкой
висит хлеба краюшка,
собаки лают — достать не могут.

Отгадки присылайте в редакцию.

АЛЕКСАНДР ИВИЧ

Рис. Ф. ПОЛЕЩУК

Как делают рубашку

В прошлом номере нашего журнала вы прочитали про хлопок: как он растёт, и как его собирают, и что из хлопка делают рубашки, платья, полотенца. Ну, конечно, всё это делают не из хлопка, а из материи. Материю ткут из ниток, а нитки прядут из хлопка.

Попробуйте сами сделать нитку из хлопка. Возьмите кусочек ваты. Вата — это ведь и есть очищенный хлопок. Она состоит из тоненьких волокон — ниточек. Но эти ниточки — короткие и некрепкие. Попробуем сделать из них крепкую длинную нитку.

Расправьте вату и растяните ее так, чтобы она лежала на столе не комком, а салфеточкой. Теперь возьмите её в левую руку, а правой вытяните несколько волокон. Только осторожно, чтобы волокна не оторвались от куска ваты.

Большим и указательным пальцами скручивайте те волокна, что вытащили, и вертите всё время в одну сторону. Волокна скрутятся в толстую нитку. Если осторожно потянуть за эту нитку, вытянутся из куска ваты ещё волокна. Скрутите их — нитка станет длиннее. И чем дольше крутить, понемногу вытягивая нитку, тем она будет крепче и тоньше.

Но вот в чём беда: если так скручивать нитки, то на одну рубашку пришлось бы целый год нитки заготавливать. Вот люди и стали думать, как бы эту работу ускорить.

Сначала придумали вот что: комок хлопка расчёсывали гребешком, чтобы волокна лежали ровно, не путались. Такой расчёсанный пучок называется куделью. Привязывали кудель верёвкой к палке. Палку называли пряслон. Левая рука освободилась — уже не нужно было дер-

жать кудель.левой рукой вытягивали волокна из кудели и слегка подкручивали их, а правой рукой скручивали накрепко. Дело пошло немало быстрее.

Потом придумали, как облегчить скручивание. Сделав кусок нити, её привязывали к короткой палке с утолщением внизу. Палку запускали, как волчок. Она вертелась гораздо быстрее, чем пальцы, и сама скручивала нить. Надо было только левой рукой вытягивать волокна, а правой подкручивать волчок.

Этот волчок и есть веретено. Его изобрели уже больше трёх тысяч лет назад. Но если бы на фабриках ткали нитки ручным веретеном, то, чтобы одеть одну тысячу человек, пришлось бы другую тысячу засадить за веретёна. Сейчас на фабриках стоят огромные машины, которые сами делают нить из хлопка.

Первая машина очищает и разрыхляет хлопок. В этой машине есть железные пальцы. Они треплют хлопок, а сильная струя ветра выдувает из хлопка всю пыль. Эта машина называется «трепальной». Другая машина расчёсывает хлопок, как вы утром волосы расчёсываете, только не гребёнкой, а большими металлическими щётками. Эта машина называется «чесальной». Потом хлопок передают на «ленточную» машину. Хлопок проходит между круглыми валиками и вытягивается в широкую ровную ленту.

Только когда хлопок прошёл через три машины — трепальную, чесальную и ленточную, — начинают прядь нитки. Нитки прядут, как и прежде, — веретеном. Только не ручным. Теперь в одной машине сразу двести веретён крутятся, и прядут они сразу двести нитей. А

рабочему надо только смотреть, чтобы машина исправно работала.

Когда нитки готовы, из них делают материю. Прежде, когда ещё никаких машин не было, нитку скручивали на ручном веретене и материю из неё делали тоже руками.

Вы плели, наверное, бумажные коврики. Знаете, как это делается? Надо несколько полосок бумаги положить вдоль, а другие полоски продевать поперёк — через продольные.

Вот так и материю ткут. Только вместо полосок бумаги берут нитки. Получается плотный плетёный коврик из ниток.

Но подумайте, как долго это делать руками! Ведь в маленьком носовом платке много продольных и поперечных нитей.

И всё-таки раньше материю ткали из ниток руками. Продольные нити привязывали к доске, а поперечные вплетали длинной иглой из рыбьей кости. Материя получалась редкая, вся в маленьких дырочках, вроде рогожи.

Потом придумали люди, как работу рук заменить работой ткацкого станка. Нынешний ткацкий станок — сложная машина. Она сама продевает поперечные нитки сквозь продоль-

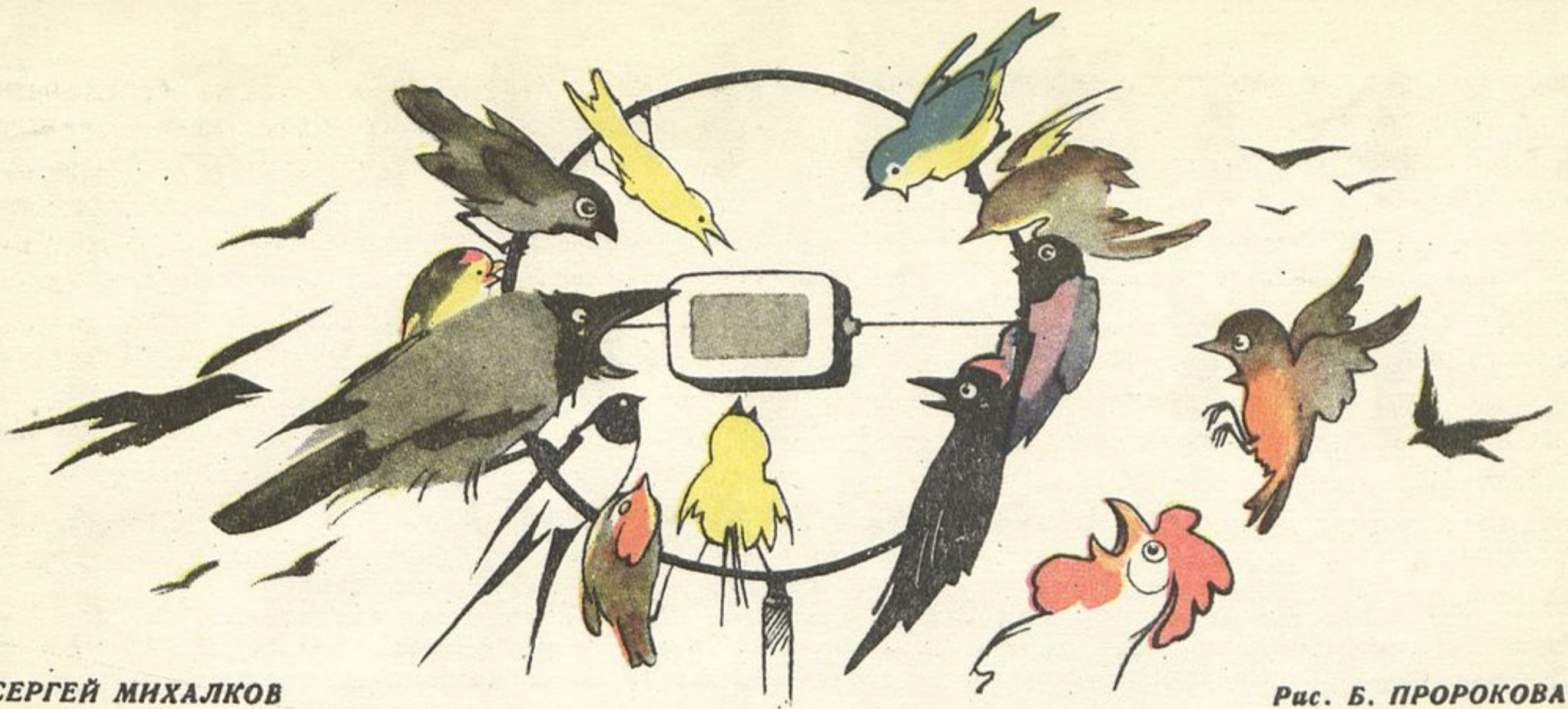
ные. Один рабочий теперь может обслуживать сразу несколько станков. Наши советские рабочие стараются выткать как можно больше материи, работать как можно лучше. Вот, например, знаменитая ткачиха Татьяна Крюкова обслуживает девяносто шесть ткацких станков. С её станков сходит за день столько материи, что можно одеть ребят целой школы.

Теперь вот о чём подумайте. Купили вам, например, в Москве рубашку. Можно эту рубашку назвать «московской»? По-моему, нельзя. Шили её, может быть, в Москве, а может быть, и на швейной фабрике в Ленинграде или в другом городе. И материю делали не в Москве и не в Ленинграде, а, вероятно, в городе Иванове: там у нас большие ткацкие фабрики. Нитки для материи не в Иванове пряли, а в далёком городе Самарканде, в Средней Азии: там большая новая прядильная фабрика. Её построили в Самарканде потому, что вокруг Самарканда выращивают много хлопка.

Выходит, что рубашка по всей стране путешествовала, прежде чем стала рубашкой и попала из магазина к вам.

На прядильной фабрике

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. Б. ПРОРОКОВА

П Т И Ч Ь Е Р А Д И О

Из Тувима

Внимание! Внимание!
Сегодня, в пять часов,
Работать будет станция для рощ и для лесов!

Сегодня в нашу студию —
Внимание! Внимание! —
Слетятся птицы разные на радио-
собрание!

Во-первых, по вопросу:
Когда, в каком часу
Удобнее и выгодней использовать росу?
Второй вопрос назрел давно:
Что эхом называется?
И если есть в лесу оно,
То где оно скрывается?
По третьему вопросу
Докладывает дрозд —
Назначенный заведывать ремонтом
птичьих гнёзд.

Потом начнутся прения:
И свист, и скрип, и пение,
Урчанье и пиликанье

И щебет, и чириканье.
Начнутся выступления
Скворцов, щеглов, синиц
И всех, без исключения,
Других известных птиц.
Внимание! Внимание!
Сегодня, в пять часов,
Работать будет станция
Для рощ и для лесов!..

Наш приёмник в пять часов
Принял сотню голосов:
«Фиур-фиур-фиур-фью!
Чик-чирик! Тью-тью-тью-тью!
Пиу-пиу-пиу-цвир!
Чи-ви-чи-ви! Тыр-тыр-тыр!
Цик-цик-цик! Ку-ку! Ку-ку!
Гур-гур-гур! Ку-ка-ре-ку!
Карр! Карр! Пи-ить! Пи-ить!»

Мы не знали, как нам быть!
Очевидно, в этот час
Передача не для нас!

ЖИВАЯ АЗБУКА

Фигурки матросов, мелькающие повсюду на этой странице, нарисованы тут неспроста. Они машут флажками по всем правилам сигнального дела. Каждый из них передаёт одну букву, а все вместе — целую фразу. Можно попытаться прочесть эту фразу, если принять во внимание, что фигурки, размахивающие флажками на нижних четырёх строчках, сигналият имена четырёх героических городов СССР: Ленинград, Сталинград, Севастополь, Одесса.

Каждый должен уметь пользоваться семафорной азбукой! Напиши в журнал, что ты прочитал на жёлтой ленточке.

Рис. на обложке Ф. ЛЕМКУЛЬ

Редколлегия: М. АДРИАНОВА, А. БАРТО, В. БИАНКИ, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, М. МИХАЙЛОВА, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ, В. СЕМЕНОВ (отв. редактор)

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать четвёртый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-5-92-91. Подписано к печати 7/II 1947 г. А02323. Объем 3 печ. л. 3,8 уч.-изд. л. 33.000 экз. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2952.

Тип. «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская ул., 21.